если ею «не руководствует опытный рассудок или просвещенный друг». Таким образом, все богатство идей «Клариссы» (главная героиня погибает, но остается духовно непобежденной; гибель героини приводит к духовному перерождению героя-злодея; и др.) у российского критика сводится к одной моралистической идее, перефразируя которую можно сказать, что неосторожная любовь всегда бывает в противоречии с добродетелью. Содержание же образа Ловласа сводится к тому, что он «зверский» и «совершенный злодей». Сравним это упрощенное понимание образа с его оценкой у Карамзина, который считал, что образ Ловласа будет «удивлением всех читателей и всех времен» благодаря тому, что в нем «видим такое чудное, однако ж естественное смешение добрых и злых качеств — Ловелас иногда благородный, иногда любезной, иногда чудовище ...»[27]

Говоря о двух героях, Ловласе и Сен-Пре, автор статьи отдает предпочтение герою Руссо. В основе подобного выбора лежит характерное для сентименталистов отношение к роману, как действенному средству воспитания. Автор пишет: «Или я ошибаюсь, или преступление любви нравоучительнее в лице слабаго Сен-Пре, нежели в лице зверскаго Ловеласа ...»[28] Далее логика автора такова: Ловлас — герой не типичный, в отличие от характерного для «света» образа Сен-Пре (добродушного, но слабого юноши), а поэтому подобные герои «гораздо обыкновеннее и скорее могут показать пример опасности для обоих полов».[29]

Читателями романов Ричардсона Измайлов делает не только своих «чувствительных» героев, но и советует читать их всем «чувствительным» людям. Так, в издаваемом им «Российском музеуме, или Журнале Европейских новостей» (1815), он помещает переведенную им статью А. Ривароля «О чтении романов вообще и Английских в особенности»,[30] носящую явно программный характер. В ней ставилась насущная для русских сентименталистов тема света и «ослабления» или даже «совершенной утраты чувствительности». В качестве последнего средства ее «восстановления» автор назидательно предлагал чтение образцовых английских сентиментальных романов.

Содержание статьи соответствовало настроению, переживаемому Измайловым и поклонниками «чувствительного» чтения вообще. Об этом настроении мы можем судить по сохранившейся переписке Измайлова и его друга и почитателя, известного поэта и прозаика, декабриста Ф. Н. Глинки. Как следует из переписки, они обсуждали ту же волновавшую их проблему порождения светским обществом «холодных» людей и постепенного исчезновения людей «чувствительных». Читаем в письме Глинки к Измайлову: «Ваши мысли на счет холодности нынешнего светского общества (в котором больше прозаизма, нежели в самой бумажности губернскаго правления) весьма сходны с теми, кои имел я сам, обращаясь в свете или суете и суетности».[31]

[27] Московский журнал 1791 Ч. 4 С 109.

[28] Вестник Европы. 1814 № 9. С 45

[29] Там же С 46

[30] Российский музеум, или Журнал Европейских новостей 1815 Ч 4 С. 108–119

[31] Письмо Ф Н Глинки к Измайлову. 1826 г. 13 дек Петрозаводск // Московский обозреватель 1877 № 16 С 418